

Посвящается

всем незаметным голландским героям, которые рисковали своей жизнью во время Второй мировой войны, укрывая 30 000 евреев, *ондердикеров**, в своих амбарах, чердаках и подвалах. Возможно, мы никогда не узнаем ваших имен, но наследие вашей храбрости будет жить вечно.

---

* Onderduiker (голл.) — люди, укрывающиеся в подполье.

Но я больше смотрела в открытое окно, откуда виден почти весь Амстердам, море крыш до самой линии горизонта, которая так расплывалась в светлой голубизне, что не скажешь, где она кончается. «Пока все это существует, — думала я, — пока я живу и вижу это яркое солнце, это безоблачное небо, я не смею грустить!

Анна Франк «Дневник Анны Франк»*

---

* Пер. Рита Райт-Ковалева.

ПРОЛОГ

Голландия, апрель 1921 года

В ясном синем небе плыли элегантные белые облака, наводя тени на поля алых и золотых тюльпанов. Легкий ветерок скользил по цветочным рядам, единственный вмешиваясь в эту безмятежность. Под его бесстрашным напором цветы склоняли головки как горничные перед господином. Вдалеке, на проторенной тропинке, стояла старая мельница — одинокий страж поля. Она высилась над распускающимися бутонами, ее коричневые дощатые стены были крепкими, но потертыми, краска не выдержала испытания временем и облупилась. Выцветшие до бледно-розового паруса ловили ветер, и, надрываясь и поскрипывая, тянули ритмичную песню.

Направляясь к мельнице, через поля кивающих тюльпанов, молодая невеста, играючи, убегала от жениха. Сара, которой едва исполнилось двадцать два, была одета для медового месяца. Простое хлопковое платье кремового цвета свободно ниспадало с ее изящных плеч. Она бежала перед мужем, и бежевые сандалии подчеркивали ее стройные лодыжки и длинные ноги, мелькающие в утреннем свете весеннего солнца.

Всего через несколько часов после обмена клятвами, большая часть свадебного наряда невесты была аккурат-

но упакована в мягкие листы белой папиросной бумаги. Старшие родственницы и незамужние подружки Сары бережно сложили шелковое платье с заниженной талией, достававшее ей до середины голени и атласные туфли с застежкой на щиколотке в сундук из красного дерева, где наряд будет ждать случая порадовать вереницу других невест.

Упаковано было все, кроме одной вещи, от которой она еще не могла отказаться. Не считая золотого обручального кольца на левой руке, единственным, что выдавало в ней невесту, была струящаяся и вальсирующая на ветру старинная кружевная фата: узловатые и огрубевшие руки прабабушки расшили драгоценную ткань гирляндами маргариток и крохотными кремовыми жемчужинами.

Когда она пробегала вдоль разноцветной дорожки, поднялся ветер, вмешиваясь в игру молодоженов. Его внезапный и озорной порыв налетел на Сару, взметнул фату и, словно танцуя, закружил, поднимая к небесам. Йозеф догнал Сару и выпрыгнул перед ней из-за стены цветочных стражей. Он был одет в льняные брюки со стрелками и голубую рубашку, закатанные рукава которой обнажали его длинные мускулистые руки. Он выглядел гибким, но сильным, а копна волос цвета вороного крыла обрамляла лицо с пронзительными голубыми глазами, полными ожидания.

Он схватил девушку за талию и притянул к себе, игриво заложив ее руки за спину, чтобы оказаться как можно ближе. Горячее и прерывистое дыхание Сары обжигало его щеку.

— Наконец-то! — торжествующе сказал он.

Сара хихикнула в ответ и попыталась выскользнуть, когда Йозеф потянулся к фате.

— Я не сдамся, Йозеф! Буду носить ее весь первый год нашего брака!

Глаза Йозефа изумленно округлились.

— Моя матушка придет в ужас: она уже собирается использовать ее для крестильных нарядов наших детей.

— Детей? — переспросила Сара. — Да мы женаты всего четыре часа!

— Что ж, — решительно сказал он. — Нельзя терять ни минуты!

Выпустив руку Сары, он притянул к себе ее лицо, и осыпал поцелуями глаза, губы и шею пока она, хихикая, делала попытки увильнуть от его нежностей.

— Только не моя шея, Йозеф! Ты же знаешь, как я реагирую на это.

Ответив всезнающей улыбкой, он обнял ее, и их губы сошлись в страстном поцелуе. Издалека их позвал чей-то голос.

Сара ухватила Йозефа за воротник и толкнула его в яму, скрытую в тюльпанах, взметнувшаяся длиная фата обвила их обоих.

— Ш-ш-ш, — прошептала Сара. — Если будем сидеть тихо и не показываться, мама нас не найдет.

— Не возражаю, — шепнул Йозеф, стягивая налетевшую на лицо волну ткани. Он переместился, подложив руку под голову Сары, желая защитить ее от жесткой земли.

Они лежали лицом друг к другу, молча ожидая, когда стихнут шаги, их дыхание замедлилось, слилось в единое. Аромат окружающих их тюльпанов опьянял. Сара приподнялась на локте и задумчиво посмотрела на Йозефа.

— Мне понравился подарок твоего отца, — шепнула она.

Йозеф с улыбкой покачал головой.

— Мой отец — романтик и всегда им был. Он безоговорочно верит в силу слов любви, — Йозеф перевернулся на спину и, заложив руки за голову, посмотрел вверх на перистые облака. — Даже не верю, что на нашей свадьбе он читал стихи. Я ведь математик! Зачем мне нужны такие вещи? Он все еще не теряет надежды, что однажды его драгоценные стихи каким-то образом найдут отклик в моем сердце, хотя мне уже двадцать восемь лет.

Сара поджала губы и вздернула подбородок.

— Как ты можешь так говорить? Что значит жизнь без живописи, музыки и поэзии? Они помогают нам понять, как мы чувствуем, любим и живем! — Она перевернулась на спину и сосредоточилась на облаке, похожем на скачущего пони.

Затем робко добавила:

— Я даже чуточку влюбилась в твоего отца, когда он читал стихи. В его взгляде на твою мать выражалась вся та любовь, что они делили так долго.

На лице Йозефа отразилось крайнее удивление.

— Не уверена, что наша любовь продлится долго, если ты не знаешь, как поддерживать ее. Я не знаю математических уравнений, которые бы меня заставляли чувствовать то же самое, — со вздохом проговорила Сара.

Перекатившись к ней, он откинул рыжий локон с ее лица-сердечка.

— Что ты имеешь в виду? Математика может быть прекрасна. Тождество Эйлера считается самым красивым уравнением в мире, — и с глубоким выражением любви продолжил — « $e^{i\pi} + 1 = 0$ ».

Сара прикрыла глаза, наморщила носик и покачала головой, тряхнув медными кудрями в знак недовольства.

Он снова притянул ее к себе и прошептал на ухо:

— О как держать мне надо душу, чтоб она твоей не задевала? Как ее мне вырвать из твоей орбиты?*

Распахнув глаза, Сара расплылась в широкой улыбке, а он продолжал декламировать «Песнь любви» современного поэта Райнера Марии Рильке. В знак благодарности она осыпала его лицо мелкими и частыми поцелуями, а затем принялась медленно расстегивать рубашку.

Он продолжал нашептывать стихотворение, уткнувшись носом Саре в шею и поглаживая ее тело.

— Хорошо, — тихо сказала она. — Можешь отцепить фату. Как мы назовем нашего сына?

Прежде чем ответить он пристально посмотрел ей в глаза.

— Сара, — ответил он с уверенной улыбкой, — если будет дочка, назовем ее Сарой.

Она собиралась возразить, но он оборвал ее, накрыв рот долгим поцелуем. Когда их занятия любовью вошли в мягкий ритм, они слышали только тихий скрип ветряной мельницы, поднимающей свои паруса к темнеющему закату небу.

---

* Строки из стихотворения «Песнь любви» Райнера Марии Рильке (пер. К. Богатырева).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Ее глаза усталые не в силах
смотреть, как прутья рассекают свет, —
кругом стена из прутьев опостылых,
за тысячами прутьев — мира нет.

Райнер Мария Рильке «Пантера»*

Амстердам, февраль 1941 года

Безжалостный, колючий снег ложился пеленой на истерзанные войной улицы оккупированной Голландии, скользя кучи песчаной серой слякоти, душа город, уже лишенный человечности. Стальные сугробы были испещрены уродливыми разводами — результат недельных холодов, грязных дорог и дорожной гальки, вылетающей рикошетом из из-под колес незадачливых водителей. Серый снег на серых улицах придавлен уныло желчным небом. Для голландцев такая гнетущая картина отражала мир, который чувствовал то же самое.

По темной жилой улице разнеслось гулкое эхо подбитых железом сапог — уже узнаваемый звук марширующей колонны нацистов. Громяхающие по мостовой чеканные шаги становились всё четче и зловещее, складываясь в сеть дурных предзнаменований. Казалось, будто кто-то неистово тряс коробку с гвоздями. За девять месяцев оккупации Третий рейх показал себя чу-

---

* Пер. Евг. Витковского

довищем, не терпящим шуток, кровожадным шакалом, рвущимся в бой и готовым смести и поглотить все, что стоит на пути к завоеванию.

Амстердам — некогда оживленный и беззаботный, сияющий алмаз, сокровище Нидерландов, имел большие надежды на победу над захватчиками, но вместо этого, как и остальная Голландия, пал в немецком блицкриге всего за четыре дня. Сердце города было разбито, изранено на века. В отличие от груды льда на земле, прежняя искрящаяся жизнерадостность Амстердама застыла и потемнела навсегда — её забрали силы зла в серой форме.

Когда звук на тихой улице стал оглушительным, испуганные лица за закрытыми дверями и ставнями застыли, а глаза закрылись для беззвучной молитвы. Люди, чьи души оцепенели от страха, надеялись, что этот дерзкий жест — нераспахнутые шторы — выражает их общий крик сопротивления, позволяет им уцепиться за последние ниточки общей культуры. Шаги стихли, но страх был сильнее эха шагов. И лишь когда воцарилась полная тишина, они позволили себе роскошь вдохнуть и вернуться к выживанию. И вновь благодарили Господа — не на этой улице, не в этот день.

Часы тикали в такт марширующим по городу ногам. Профессор Йозеф Хельд вглядывался в белый анфас и острые черные стрелки, не осознавая зловещий ритм, с которым отмерялось время. Часы висели высоко на стене, наблюдая за рядами студентов в просторной классной комнате. Высокий потолок подпирали декоративные карнизы, с одной стороны уступая место пыльным, но упорядоченным книжным шкафам, а с другой — элегантным рядам окон.

Профессор Хельд молча проверял работы за своим столом. Нескладный мужчина сорока семи лет, казалось, чувствовал себя неуютно в собственном теле

и почти не поднимал глаза. Когда он все-таки оторвался от бумаг, на его лице проступила тень былой красоты. Она осталась в его ясных голубых глазах и блестящих черных волосах, едва тронутых сединой у висков. И хотя он провел всю свою жизнь, склонившись над этим столом, тело каким-то образом сумело сберечь подобие юношеской гибкости, более характерной для бывшего спортсмена, чем для скромного профессора математики.

Режим, марширующие солдаты — всё это казалось чем-то далеким. В его классе прилежные студенты, закатав рукава до локтей, склонились над тяжелыми дубовыми партами и были погружены в работу. Тишину нарушали только тиканье часов, редкий кашель и скрип карандаша, деловито царапающего сухую бумагу. Казалось, аудитория застыла в вечности, время тянулось бесконечно. Когда наконец стрелки часов встретились в полдень, слабые лучи солнца пробились сквозь беспросветное грифельное небо и скользнули в высокие окна.

Хельд отложил работу по математике и взял следующую. И застыл. На листе не было ни математических задач, ни ответов на них. Вместо этого было стихотворение «Пантера» Рильке — любимого поэта его покойной жены. Возмущенный, он покачал головой и вздохнул — думать сегодня о Саре не хотелось. Он снял очки в серебряной оправе — удачно подобранный реквизит для того, кто стремится отгородиться от внешнего мира. Аккуратно положил их на стол и протер глаза, прежде чем надеть снова. По очереди цепляя изогнутые дужки Хельд вернул очки на место.

Он посмотрел на часы и покашлял:

— Все свободны. Манеер Блум, можно вас на минуточку?

Покидая удушливо безмолвный класс, студенты тихой стайкой просочились за дверь. Одна из них, Эльке Дирксен, задержалась в дверях, наблюдая, как Майкл Блюм направился вперед. В ее красивых глазах читалось беспокойство. Своей приятной внешностью Майкл воплощал то лучшее, что могла предложить молодость: двадцатидвухлетний, живой, он был также невероятно обаятелен. Дерзкий огонек мелькнул в его глазах, когда он подмигнул Эльке в коридоре.

Профессор Хельд ждал пока опустеет класс. Сидя за столом, он складывал бумаги в аккуратную стопку. Когда дверь закрылась и стало тихо, он положил работу Майкла поверх остальных. Не глядя на студента, он обратился к нему:

— Господин Блюм, вы понимаете, что это курс высшей математики?

Майкл рассмеялся.

После многих лет преподавания Хельд не обижался на дерзость.

— Мы уже не впервые это обсуждаем. Вы снова в работе написали свое, а не решили формулу, как требовалось.

Майкл возмутился:

— Вы что не любите Рильке?

Профессор Хельд продолжил:

— Это не имеет никакого отношения к делу. Стихи должны быть в книгах, а не в контрольных по математике.

Майкл резко вдохнул, на мгновение задержал дыхание, а затем этот вдох растворился в голосе с едва сдерживаемой горечью, наполнившей его слова.

— Мне уже не так просто купить... книги. Вы хоть знаете, кто он?

Впервые профессор поднял глаза.

— Прошу прощения?

Майкл оживился, даже пришел в восторг.

— Райнер Мария Рильке. Поэт. Его считают одним из самых романтичных...

Профессор Хельд поднял руку, пытаясь остановить студента.

Лицо Майкла вспыхнуло от досады и разочарования.

— Послушайте, все это не имеет никакого значения, потому что сегодня мой последний день, — продолжил он.

Профессор Хельд опустил глаза и придвинул к себе новую стопку бумаг, а затем протянул Майклу его работу через свой опрятный стол.

— Будьте добры, выполните задание.

Майкл покачал головой, не соглашаясь.

— Сегодня. Мой. Последний. День. Я не собираюсь сидеть и ждать, когда они придут за мной. И меня не отправят в Арбайтсайнзац*.

Хельд мельком посмотрел на него. Многих молодых людей принуждали работать на немецких заводах, сопротивляться было опасно. Он хотел сказать это вслух, но вместо этого предпочел отступить и спрятаться за безопасной стеной.

— И все же вам следует выполнить задание.

Майкл схватил листок. Когда он наклонился вперед, из его сумки выпала листовка. Ее уголок был оторван: очевидно, Майкл сорвал её и, видимо, в гневе. Это была инструкция, призывающая всех евреев зарегистрироваться. Мужчины застыли, уставившись на листовку. Тиканье часов и приглушенные звуки в коридоре заполнили пропасть молчания между ними. Хельд вдруг понял, что Майкл ев-

---

* Arbeitseinsatz (нем.) — буквально: «использование рабочей силы». Во время Второй мировой войны — принудительный труд интернированных людей.

рей, и ощутил себя беспомощным и бессловесным. Он тут же пожалел, что был так строг, но не успел ничего сказать, поскольку Майкл взял лист с заданием, и, нарочито неспешно и дерзко скомкав его, бросил на профессорский стол.

— Вы всерьез считаете, что это важно? Мужество бороться и любить — вот что сейчас важно. И ничего из этого вы не найдете в математических формулах.

Медленно сдвинув очки на переносицу, профессор уставился на комок смятой бумаги.

Эльке распахнула дверь.

— Майкл! Скорее!

Звук чеканных шагов гулко разнесся по коридору — они приближались к классу. Майкл подбежал к двери.

Хельд открыл ящик стола и вытащил книгу. Это был потрепанный экземпляр «Новых стихотворений» Рильке. Он окликнул юношу.

— Пока вы не ушли, манеер Блюм...

Майкл обернулся и Хельд подтолкнул к нему книгу. Невольно заинтересовавшись, Майкл подошёл к столу. Прочитав название, он благоговейно открыл книгу. Хельд наблюдал, как юноша читает слова на первой странице — надпись, сделанную его отцом.

*«Йозефу. Иногда самая смелая любовь в тишине
говорит шепотом»*

Бессмысленные слова из далекого прошлого, подумалось Хельду. Он вернулся к бумагам, и, снисходительно махнув рукой, пробормотал:

— Возьмите.

Майкл прижал книгу к груди.

— Это мне, правда? Спасибо. Большое спасибо!

От такой яркой реакции Хельду стало не по себе. Он задрал повыше очки и кивнул, неловко перекладывая бумаги.

Майкл уже собирался выйти, но внезапно остановился у двери.

— Думаю, теперь можно спокойно признаться вам, что я ненавижу математику. Хельд усмехнулся, а потом пробормотал, больше себе, чем Майклу:

— Я так и полагал.

Когда Майкл дошел до двери, Эльке быстро втащила его за руку в коридор.

Хельд рассматривал пустое место, на котором много лет лежала так ни разу и не открытая книга. Глубоко вздохнув, он закрыл ящик стола и уже собирался вернуться к работе, но заметил кое-что. Профессор осторожно поднял со стола листовку, оброненную Майклом.

Дверь в кабинет снова открылась и Хельд уже начал говорить:

— Манеер Блюм, вы забыли... Но к его удивлению, вместо Майкла там стояла Ханна Пендер — новый университетский секретарь. Это была привлекательная женщина с высокими скулами и задумчивыми голубыми глазами, редко покидающая приемную. Сегодня на ней была темно-синяя юбка А-силуэта, облегающая бедра и подчеркивающая стройные ноги, и блузка цвета слоновой кости с кружевным вырезом. Заходя в аудиторию, она говорила на идеальном немецком с сопровождающим её серьезным офицером.

Кроме него была также небольшая группа солдат: они остались за дверью, на страже. Строгая серая военная форма выглядела неуместно в уютном коридоре с деревянными панелями и высокими окнами в изящных рамах.

— Это профессор Хельд, — сказала Ханна. — Он преподает высшую математику. Она подошла к его столу.

— Здравствуйте, профессор. Мы просто проверяем ваших студентов.

Хельд озадаченно переспросил: